
Ника ОБОЛЕНСКАЯ
МАРИЯ Птахова
СПЕЦНАЗ
ОПЕРАЦИЯ:
Найти КОЗУ
РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ
Горячий спецназ

Мария Птахова

Спецназ. Операция: "Найти козу"

«Литнет»
2026

Птахова М.

Спецназ. Операция: "Найти козу" / М. Птахова — «Литнет», 2026

"Застрять на элитном курорте в качестве охраны вместо того, чтобы нести службу бок о бок с братишками". Сделано!"Нарваться на девицу с ветром в голове и шилом в одном пикантном месте". И тут Мироха первый."Вызваться искать эту дурищу в горах". Раз-раз, работает спецназ.Ну, держись, коза! Я тебя найду... и выдеру.В романе вас ждут:Горячий и молодой спецназовец Красивая и наглая мажорка Дерзкие диалоги и противостояние характеровПЕРВАЯ ЧАСТЬ ДИЛОГИИВТОРАЯ ЧАСТЬ — "СПЕЦНАЗ. ОПЕРАЦИЯ: ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ" В ПРОЦЕССЕ НАПИСАНИЯ

© Птахова М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Коза 5
Глава 2. «Умный дурак» 8
Глава 3. План «А» 10
Глава 4. Для этого 13
Глава 5. Ой! 15
Глава 6. Приятный сюрприз 17
Глава 7. Помоги мне 20
Глава 8. Перспективы 22
Глава 9. ЧП 25
Глава 10. Везучая 27
Глава 11. Действуй, сержант 29
Глава 12. Следы 31
Глава 13. Раздевайся! 33
Глава 14. Согрелись 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Глава 1. Коза

Внимание: Данная книга предназначена исключительно для читателей старше 18 лет! В тексте присутствуют: нецензурная брань, сцены курения и употребления алкоголя, сцены эротического содержания. Автор не призывает и не поощряет поступать так, как описано в данном художественном произведении. Все события, места и персонажи являются вымышленными, любые совпадения случайны. Книга носит исключительно развлекательный характер.

Блядь, откуда она взялась?!

Выскочив, как горная коза, из-за вековой пихты, незнакомка замирает у меня на пути.

— Ебанарот! — выматерившись, резко выворачиваю руль, едва не завалив снежик на бок.

Краем глаза ловлю движение — девка, обеспечившая мне сердечный приступ, падает в снег как подкошенная.

Сбрасываю газ так, что зубы клацают, и, отбросив шлем, пулей лечу к ней.

В башке тревожно стучит: «Только бы, блядь, не переломал чего дуре!»

Она лежит в снегу — бледная, неподвижная, глаза закрыты.

Бегло осматриваю — вроде цела! — и, стянув низ балаклавы, рвано выдыхаю.

Адреналин фигачит так, что пальцы в крагах ходуном ходят. Стенокардия на ровном месте, ага.

С психу хочется подзатыльник дать, как если бы передо мной был затýпок (самый тупой курсант — прим.автора).

Тише, Мирный, здесь не часть, а гражданка.

Это — раз.

И перед тобой не до зубов вооруженный боевик, а глупая девчонка.

Это — два.

Ага, девчонка. Коза безрогая!

Хватаю её за полы шубки и рявкаю:

— Какого хера ты!..

Резко осекаюсь, стоит ей открыть глаза.

Нереальные просто! Редкого зеленого цвета, как озера Ацетук. И в озерах этих плещется паника — топит через края расширенных зрачков.

Сбавляю обороты под этим испуганным взглядом, голос сам собой становится глуше:

— Хорошо всё? Цела? Нигде ничего не болит?

Краски возвращаются на её мордашку, зажигая нежный румянец на щеках и делая пухлые губы ярче.

Зависаю на этих самых губах. У спелой малины такой же оттенок.

Как кретин пялюсь вместо того, чтобы помочь девчонке подняться.

— Вроде да, — тихо отвечает она, и я наконец отмираю.

Стаскиваю краги и, аккуратно потянув за ладонь, помогаю ей выбраться из сугроба.

Тонкие ледяные пальчики тонут в моей руке, и я на секунду сжимаю их крепче. Мимоходом отмечаю, что девчонка легкая, как пушинка. Как в ней только жизнь-то держится?

Пока она отряхивает с шубки и джинсов налипший снег, беззастенчиво её разглядываю.

Ну не я могу ничего с собой поделать. Люблю красивых девах.

А эта горная коза вообще из другой породы.

Срисовал её уже по десятому разу.

Губешки спелые, кожа — персик, брови вразлет. И не эти выщипанные нитки или художество маркером, а нормальные брови.

Ага, я тот еще эстет.

Заценив ровные ножки, снова возвращаюсь к лицу.

Маньячу без палева, выхватывая то одну деталь, то другую. Каштановые пряди. Длинные кукольные ресницы.

Ну какая же она охуенная!

Не обезображенная всякими уколами красоты и прочей дико модной херней.

Чисто принцесска из сказки.

Ну или, если переложить на наши реалии и «дано», вполне может быть дочкой министра... или женой миллиардера… или любовницей. Тут уж как свезет.

Но мне приятней думать, что моя коза из другой истории.

В момент, когда она наклоняется, и волосы темным водопадом скрывают от меня ее лицо, вытягиваю шею и откровенно пялюсь на ее задницу.

Орешек что надо!

Сглатываю, ощутив, как кровь приливает к стратегическим местам, и боец в штанах принимает вид по стойке «смирно».

Мне бы порадоваться, что под слоями экипа этого не видно, но мыслей — ноль.

Стою и пялюсь, едва слюни не роняя, со стояком в штанах и полным штилем в башке.

Долбоеб ты, Мирный. Ага, тоже сказочный.

Зеленоглазая коза выпрямляется и бросает на меня открытый взгляд.

Время замедляется, как в кино, а я снова тону в прозрачной зелени, даже не предпринимая попыток спастись. Выныривать не хочется. Кислород? Не, не слышал.

Пауза затягивается.

Мирный, она сейчас тебя примет либо за дебила, либо за маньяка. И будет в обоих случаях недалека от истины.

Выдыхаю хрипло:

— Испугалась, что ли?

— Есть немного. Не думала, что кого-то здесь встречу.

— Ага, я тоже чуть не обосрался, — ляпаю первое, что в башку приходит, и тут же исправляюсь: — В смысле, был весьма обескуражен твоим появлением.

— Мгм.

С нервной усмешкой моя находка заправляет выбившуюся прядь за ухо, качнув сережку с камнем в цвет глаз.

Рука непроизвольно дергается повторить маршрут пальчиков. Торможу себя в последний момент.

Тише, Мирный. Смотреть можно, трогать нельзя.

А трындец, как хочется, аж пальцы сводит…

Да и какого банана я обламываюсь?

Решительно беру её ладошку в плен.

— Замерзла, — констатирую очевидное, а сам перебираю тонкие пальцы, балдея от ощущений, как пацан.

Смелею настолько, что расстегиваю куртку и прижимаю девичью ладошку к горячему боку.

Борзеть — так по полной.

Девчонка вздрагивает, но, что интересно, руку не вырывает. Ноготки будто случайно царапают пресс через тонкую ткань раша (имеется в виду рашгард, спортивный лонгслив— прим.автора).

Тело реагирует на это вторжение дрожью мышц, а зенитный ракетный комплекс в трусах — готовностью поразить цель.

Ой, бля-я-я.

Втягиваю носом колючий горный воздух, лихорадочно прокручивая в голове особо заупокойные пункты из устава нашего элитного курорта.

Помогает слабо. Против обаяния этой красивой козочки нужна артиллерия помощнее.

Как там в песне? «Мальчик поплыл, мальчик попал…»

Попал, Мироха!

— Давай вторую… — выдаю, плавая на кайфах от её близости и собственной наглости.

Девчонка послушно прижимает вторую ладошку, а меня отчего-то рвет.

От контраста её ледяных пальчиков и моего тела, пылающего жаром мартеновской печи. От этой доверчивости.

Тормози, Мирный! Здесь простые девушки как вид отсутствуют!

И, подтверждая мои мысли, через пару заполошных ударов моего сердца, козочка мягко, но решительно высвобождает руки.

— Как ты вообще здесь оказалась? — спрашиваю, стараясь скрыть досаду.

Ну да, Мирох, ты тут ей стриптиз, а она даже спасибо не сказала.

Коза.

— Я гуляла, — получаю лаконичный ответ.

Хмыкаю, чуя наеб точно так же, как и легкий, сладковатый аромат её парфюма.

Здесь до туристического маршрута пешкодралом пилить не один километр. А она взяла слишком круто на восток. Десять минут езды на снежике, и местный «цивильный» лес переходит в глубокое ущелье.

И там мы бы эту красоту своими силами точно не нашли. Или нашли, к следующей весне.

Гуляла она… Сказочница, блин. Коза Андерсен.

Но едва я открываю рот, как с резким шипением оживает рация.

— Седьмой, прием.

Вовремя-то как!

Зажимаю кнопку и, отвернувшись, отбиваю:

— База. Седьмой на связи.

— У нас тут ЧП. Охрана объект упустила, рыщет. Маячок не пеленгуется. Глянь у себя в квадрате, вдруг следы какие…

— Принято.

Отключаю рацию и медленно поворачиваюсь к козочке. Оценивающе и без усмешки смотрю на нее.

— Гуляла, говоришь?

В глазах цвета зеленого янтаря мелькает паника, но девчонка быстро берет себя в руки и упрямо задирает вверх подбородок с ямочкой:

— Именно. Или это здесь запрещено?

Глава 2. «Умный дурак»

— Именно. Или это здесь запрещено? — бросает девчонка с вызовом.

А тон такой, будто она имеет право не только здесь ходить, но и вообще делать всё, что захочется.

Смотри-ка, как быстро от шока отошла и в полете переобулась.

А ты, Мирный, сомневался?

Видно же, что не из «простых»: шубка, сережки, сапожки — всё тяжелый люкс и стоит как весь твой ливер, вздумай ты его толкнуть на черном рынке.

— Да лазай по сугробам, сколько влезет, — произношу спокойно и киваю на её сапоги: — Черевички только вот неподходящие. Это замша, да? Ноги быстро промокнут, а там и до обморожения — два локтя по карте…

— Нормальная у меня обувь, — упрямится, складывая руки на груди.

Прапор на службе рассказывал, что был у него такой «умный дурак». Так-то у него обычно целый взвод дебилов, но этот отличился особенно. Марш-бросок в полной боевой выкладке, двадцать километров, а этот гусь берцами ногу натер и молчал. Герой, блядь. Сознался, когда уже всё себе до мяса стер. И обратно его уже на плечах тащили по очереди.

Уверен, что прапор эту байку рассказывает новобранцам каждый год. Ибо нехуй геройствовать там, где голову надо включать.

Моя вот коза рогом уперлась, что ей в сырых ботах комфортно. А кто я такой, чтобы ей запрещать?

— Ну тебе, конечно, виднее, — пожимаю плечами, из вредности продолжая ей «тыкать».

Снова подает сигнал рация.

— Седьмой, ну что там у тебя?

— Что у меня? — спрашиваю девчонку, а она вдруг прикусывает губу и на мгновение прячет взгляд за ресницами.

Любуюсь, забыв, кто я и где я. Запрещенный прием так-то!

— Как тебя зовут? — обращается ко мне.

— Мирон. А тебя?..

— Скажи им, что ты меня не видел! — требовательно заявляет незнакомка, проигнорировав мой вопрос.

Секунду сканирую её упрямое выражение лица: губешки-малинки поджаты, подбородок чуть приподнят, а во взгляде вызов. Будто на костер собралась взойти, не иначе. Страдалица.

Ну, допустим.

— Дело твое.

Поднимаю рацию, почему-то чувствуя себя уязвленным:

— База, прием. Чисто.

— Седьмой, принято. Отбой.

Выжидающе палюсь на девчонку, но она делает вид, что меня здесь нет.

Цаца какая!

Ладно, Мирный, у богатых свои причуды. Хотят — шкандыбают через лес ради фана, хотят — голой жопой в снегу сидят.

Убираю рацию в карман, натягиваю краги.

— Ну раз с тобой всё в порядке и возвращаться, как я понял, ты пока не желаешь…

— Еще чего! — перебивает, снова задирая свой хорошенький и слегка покрасневший носик.

— Окей. Там, — машу рукой ей за спину, — база, если сейчас пойдешь по этой тропинке, то выйдешь на основную тропу, они все ведут к главному корпусу. Но ты и так это знаешь.

Киваю на протектор снегохода.

— Если пойдешь по моим следам, то упрешься в скалу, дальше только вверх. Без снаряги не лезь. На юг тоже не советую — снега там будет тебе по макушку.

— А если я пойду туда? — указывает подбородком на восток, обхватывая себя руками.

— А там тебя МЧС очень долго искать будет… летом, как снег сойдет. Постарайся вернуться до темноты, — с этими словами отворачиваюсь от нее и шагаю к «Арктике».

Снег оглушительно скрипит под ногами, я же прислушиваюсь к тому, что за спиной.

«Ну давай ты не будешь «умной дурой», которая назло мамке отморозит уши?» — мысленно уговариваю козочку, специально делая шаги помельче.

Никто в здравом уме не оставит девчонку одну в лесу, даже если её гордости и упрямства хватит на троих.

А я тем более не могу, служба не позволяет.

Да и права не имею.

Этот лес, как и прилегающая к нему долина, является частью закрытого курортного поселка. В такой нет горящих путевок, и гиды с Красной Поляны вряд ли слышали об этом месте.

Отдыхают здесь люди непростые: первые люди государства, бизнесмены и прочие виды очень ценных и опупенно богатых людей. Персонал вышколен и учтив до зубовного скрежета. Служба безопасности серьезнее некуда — проверят от зрачка до очка.

Я к этой тусовке прикомандирован насильно, но это уже, как любит говорить мой комвзвода, нюансы. Раз дали приказ «поступить в распоряжение службы безопасности курорта», исполнять стоит без нытья и лишних вопросов.

Но даже такому временному сотруднику, как я, с радостью открутят не только башку, но и яйца, если вот с этой упрямой мамзелькой что-то случится.

Поэтому план «А» такой: я делаю вид, что ухожу, а сам дожидаюсь, когда «клиент» созреет — испугается и попросится обратно в «цивилизацию».

Но если это не сработает, то по плану «Б» я возвращаюсь и тащу козу-дерезу силой.

При мысли об этом раскладе у меня заранее начинает болеть башка — представляю, как она будет верещать.

И даже перспектива безнаказанно потискать её румяные булочки не сильно поднимает настроение.

Что же ты выберешь, красавица, м?

Давай «бэ»! Обещаю быть нежным!

— Эй, Мирон! — врывается взволнованный голос в мои размышления. — Постой!

Глава 3. План «А»

И все-таки план «А».

Растягиваю губы в улыбке и оборачиваюсь к упрямице, радуясь, что за балаклавой не видно моей довольной морды.

— Отвезешь меня до базы.

Елы-палы! И ведь ни следа испуга в голосе, зато сколько властных ноток!

Девица уверенно шагает ко мне, полы короткой шубки распахиваются, и я невольно задерживаю взгляд на её силуэте — стройном, но с такими соблазнительными изгибами, что пальцы сами собой сжимаются, будто хотят повторить путь: от колена, минуя бедро и талию, к груди, туго обтянутой белой водолазкой.

Мироха, соберись!

Поднимаю взгляд выше и врезаюсь им в прохладную зелень глаз, сейчас сердито сощуренных.

Весь вид козочки, которую я про себя окрестил Зеленоглазкой, буквально кричит, что из нас двоих командовать привыкла она.

А я че? Я ничего. Я здесь — раб лампы, и моя задача — выполнять хотелки важных и очень-очень важных гостей.

Но, блин, как же хочется насрать на правила!

И я снова это делаю:

— Идет, но только после того, как назовешь свое имя.

Прислоняюсь бедром к сиденью снежика, чувствуя, как кровь разгоняется и сильнее стучит в висках.

Наверное, веселье проскочило в моем голосе, раз Зеленоглазка сердито хмурится:

— Зачем еще?

И я, едва сдерживая смех, со всей серьезностью ей отвечаю:

— Ну откуда же мне знать, вдруг ты маньячка какая? Нападаешь на незнакомцев в лесу, а я у мамы один, сыночка-присыночка.

Пиздеж. У меня родни — заколебешься перечислять.

— Так что, имя или разбег-отписка? — Заглядываю ей в глаза.

Секундная пауза.

Честно, жду, что сейчас ножкой по-барски топнет или проверещит, что я хамло необразованное.

Ну так-то есть маленько, ага. Я пацан-то из простых да наглых.

Но Зеленоглазка лишь слегка откидывает голову назад и смеется. Мелодично, звонко, так что у меня в груди что-то сжимается, а в голове проносится: «Да и пох, если маньячка — мне с собой заверните!»

Любуюсь изящными линиями шеи, точеными скулами и ямочками на щеках.

В голове какой-то подозрительно розовый кисель и вязкая, как сироп, мысль, что ради этого смеха я готов всю жизнь притворяться недалеким идиотом.

Хотя, если верить мамке, я им и безо всякого притворства бываю.

И комвзвода бы наш согласился, присовокупив эпитетов покрепче и посолённее.

— А ты забавный.

Аккуратно прикоснувшись кончиками пальцев к глазам, Зеленоглазка вытирает слезы.

— Ага, есть такое.

— Я Ла… Лариса.

Её улыбка на секунду меркнет, но тут же возвращается обратно.

Ну чисто милаха.

В ответ на эту улыбку растекаюсь розовой соплей, ощущая в низу живота тяжелое, настойчивое тепло.

— И можно просто Лара… и на «ты».

Вообще-то, персоналу «не можно», но я с удовольствием кладу на это правило жирный болт.

— Принято. — Чуть качнув подбородком, интересуюсь: — Каталась на таком?

Скользнув заинтересованным взглядом по «Арктике», пожимает плечами:

— Гидроцикл считается?

— Сойдет. Принцип тот же, но есть нюансы…

Я провожу краткий инструктаж, попутно вытаскивая из кофра шлем с гарнитурой и запасную «мембранку» (горнолыжный костюм с мембраной — прим.автора).

— …держаться будешь крепко. Аттракционы не обещаю, но трасса здесь слабо укатана, ям и ухабов хватает, кое-где ветки очень низко. Поэтому, Лара Крофт…

Цепляю ее взгляд своим, вкладывая побольше твердости в голос.

— Никаких прыжков, стоек на ногах, голове и прочей самодеятельности.

Я делаю шаг ближе, Зеленоглазка задирает голову, но не отступает. Её зрачки расширены — от интереса или волнения?

— Руками держишься за пояс. Бедрами... тоже можешь.

Мой голос ожидаемо садится, как только я представляю бедра Лары в другой… более провокационной позиции.

Хорошо, что стояк в штанах не заметно.

— Что бедрами? — тут же просыпается в Зеленоглазке ехидна. — Тоже ими тебя за пояс обнять?

— Ну если совсем страшно станет, — притворно вздыхаю, — я готов и пострадать ради такого. Ну, знаешь, сладкий износик…

— Обойдешься! — со смешком фыркает Лара, закатывая глаза.

— Фух! — Картинно руку к груди прижимаю. — Аж от сердца отлегло!

Мои кривляния ожидаемо вызывают улыбку у Зеленоглазки. Ну вот, другое дело! А то стоит, морозит.

— Короче, ты типа моя тень, — продолжаю, — я наклоняюсь корпусом вправо, и ты — вправо. Я влево, и ты… — делаю паузу.

— Влево, — послушно выдыхает она.

Черт, меня неожиданно заводит эта покладистость!

— Малорик! Держи. — Передаю ей штаны и куртку из запасного комплекта.

Пару раз я тут позажигал по пухляку, «кошку» свечой завалил и сам зарылся в снег по шею. Пока вытаскивал снежик, вымок до трусов и обратно ехал, едва не звеня яйцами от мороза. Поэтому запасной экип теперь всегда со мной.

Ожидаю, что сейчас «принцесска» закатит шкандаль по поводу шмоток, но Лара сопит молча, натягивая штаны.

Пока она экипируется, я снова занимаюсь тем, что её разглядываю.

А кто мне запретит?

Я не в монастыре всю жизнь жил и мне двадцать три, а не девяносто лет. Женское тело — ух как! — будоражит мое сознание и разгоняет либидо. А уж после того, как я год без женской ласки провел, мысли курсируют только вокруг качественного траха.

А тут такой объект для диких фантазий…

Лара. У нее необычное имя.

Ла-ри-са.

Редкое так-то. Я бы даже сказал старомодное. У нас в школе училка была с таким именем, но она уже на пенсии, а Лара на вид явно младше меня. Странно, но ей идет.

— Стой! — касаюсь её руки, намеренно задерживая пальцы на коже.

— Под шлем вот это…

Зеленоглазка с сомнением крутит в руках балаклаву.

— Это обязательно?

Хочется закатить глаза. Девочки такие девочки!

— Если не хочешь потом в больничку загреметь с переохлаждением. Она чистая, сам стирал.

— Ладно.

И снова будто одолжение сделала. Коза.

Помогаю Зеленоглазке надеть шлем и включить гарнитуру.

Лара устраивается позади меня, её руки несмело касаются моей спины. Сердце ускоряется, будто я снова на марш-броске, когда девичьи ладони ложатся на мой живот. Я чувствую её пальцы даже через плотную ткань экипа.

Сглатываю сухим горлом, снова ощущая дискомфорт в штанах.

Это не девчонка, а сплошное искушение, блин.

Мироха, держись!

Глава 4. Для этого

— И давно ты здесь работаешь? — раздается голос Лары в гарнитуре.

Хмыкаю. Ну как «работаю», я, вообще-то, служу по контракту. Только служба вот такая… интересная.

— Не очень. А ты давно тут отдыхаешь?

Ну камон, не из обслуги же она. Такие райские пташки сюда прилетают почистить перышки, а не толчки драить.

— Третий день, — ворчит. — Уже тошнит от этих гор.

Тю. Ты горы-то не видела!

— Ты поэтому поперлась в лес? — не удерживаюсь от подъеба. — Хотела картинку сменить?

— Я же сказала, что гуляла просто, — начинает раздражаться.

— Всё-всё, не кипишуй, — примирительно бурчу. — Могла просто «нагулять» таких проблем на свою за…

Проглатываю последнее слово, потому что Зеленоглазка щипает меня за живот.

— Следи за языком! — отчитывает меня тоном училки. Ага, той самой из моей школы.

— Принято. Так вот, могла проблем хапнуть на свое туловище ниже поясницы.

— Например?

— Например, повстречать диких животных…

— Ты не про себя сейчас? — смеется Лара в динамик.

Я бы угостил засранку своим фирменным взглядом «на «раз» собрался, на «два» — съебался», но приходится следить за дорогой.

Поэтому я просто глубокомысленно молчу.

— Обиделся, что ли? — хмыкает Лара, а сама ручонки сильнее сжимает.

— Мне вроде не десять, чтобы обижаться, — говорю спокойно.

— А сколько?

— Двадцать три.

— У-у-у, какой ста-а-арый! — с издевкой тянет коза. — Ой!

Вцепляется в меня клещом, когда «Арктика» резко ныряет носом в снег.

Давлю лыбу, выравнивая снежик. Я не спецом. Ну почти. Просто чуток выбесило ее мычание.

— Ну а тебе сколько? — спрашиваю скорее на автопилоте.

Видно же, что «зеленая» совсем.

— Девятнадцать! — гордо.

Так и представляю, как она при этом свой нос кверху задирает.

— Да ты и сама старушка! — язвлю. Ничего не могу с собой поделать.

Шипение в динамике становится громче.

— Так, а ну щипаться! — предугадываю ее действия и все равно получаю смачный щипок. — Эй! Водителя нельзя отвлекать!

— Вот и не отвлекайся, — душнит.

А тон-то какой! Мамку бы мою проняло.

— Ага, это типа, — киваю, припоминая прикол из сети: — Вези меня, мразь! Меня люди ждут!

Слышу смешок и сам начинаю лыбиться.

— Ты говорил про животных, — вспоминает Лара. — Тут что, медведи водятся?

Ну почему сразу медведи? Че им тут жрать-то? Камни и снег? Хотя, чуть ниже этого плато, бурого пару раз замечали в окрестностях селений.

В основном же тут встречаются рыси и горные козлы, но Ларе я скармливаю байку покруче:

— Если бы только медведи, — вздыхаю и добавляю зловещих ноток в голос, — здесь есть зверь пострашнее.

— Кто?

Спецом взяв паузу для эффекта драмы, выдаю:

— Снежный человек!

И начинаю дико ржать.

— Ах ты!

Лара лупит меня ладошкой по плечу, а мне один хрен смешно.

Хотя, страшнее человека зверя нет. И наивной райской пташке стоило бы бояться не медведя, который сейчас в спячке, а боевиков с автоматами, которые полюбили прятаться в этих горах.

Дальше едем относительно спокойно, перебрасываясь фразами.

Бросив взгляд на запад и сверившись мысленно с картой, решительно сворачиваю за небольшую скалу.

— Куда мы? — испуганно пищит Лара, цепляясь за меня сильнее.

— Ща, буквально на пару минут остановку сделаю.

— Ты не можешь до базы потерпеть, — отзывается ворчливо.

— Неа, — со смешком глушу движок и оборачиваюсь к ней. — Слезай.

— Чего? — И глаза огромные становятся. — Я не хочу в туалет! Делай свои дела быстрее и поехали!

На это я молча закатываю глаза и снимаю шлем.

— Пойдем со мной, покажу чего, — зову ее и руку протягиваю.

— Не надо мне свой причиндал показывать! — От руки моей шарахается так, что кубарем скатывается с сиденья в снег.

Не знаю, как не заржать в этой ситуации, но дико хочется.

Выколупываю дурищу из снега и ставлю на ноги.

— К сведению, причиндалы свои я кому попало не показываю, — поясняю, снимая с нее шлем и пристраивая его на ручку газа. — У нас пара минут осталась, пошли…

Тяну Лару за собой дальше вдоль скалы.

— Для чего? — восклицает раздраженно она, но ногами послушно перебирает.

— Для этого, — говорю просто и чуть отступаю в сторону.

Глава 5. Ой!

Лара с тихим «ах» застывает на месте.

Этот выступ я нашел в прошлую поездку, не доезжая до базы всего километр. Небольшая скалистая площадка зависла над пропастью.

И, кажется, будто мы стоим на краю света.

А вокруг только горы, укутанные в белые шапки, с ущельями, где прячется синеватый сумрак, и небо — такое огромное и чистое, какого не увидишь в городе.

На востоке оно нежно-розового оттенка, который становится насыщенней, пока не переходит в фиолетовый на западе.

— Боже, как красиво! — шепчет Лара, и я ловлю себя на мысли, что думаю то же самое о ней.

Тонкий аромат ее парфюма в сочетании со свежим горным воздухом кружит мне башню похлеще крепкого абхазского вина.

Ой-ёй!

Вернувшись к снежику, достаю из кофра термос. Наливаю чай и протягиваю Ларе.

— Держи. Пей мелкими глоточками.

Она стягивает низ балаклавы и прижимает край чашки к губам.

— Фу, какой сладкий! — тянет с претензией и морщит носик. — Ты туда килограмм сахара положил, что ли?

— Нет, только половину, — хмыкаю и тяну руку к чашке. — Давай обратно.

— Вот еще!

Лара удовлетворенно жмурится, делая еще один глоток.

Коза такая, не могу.

Облизывает губы, и я задерживаю взгляд на них.

В башке против воли возникают пошляцкие картинки, где эти пухлые губы в главной роли вместе с моим дружком.

Бля-я-я.

Сглатываю и встречаюсь глазами с Ларой.

Мирный, нас раскрыли!

Она смущенно опускает ресницы, а мне от досады хочется лбом об скалу побиться.

Ща напридумывает всякого, а у меня просто давно никого не было, вот и прет похоть из ушей.

— Ты часто здесь бываешь? — Лара максимально тактично переводит тему.

— Нет, — кривлю рот в ухмылке. — Но, когда хочется убежать, бегу сюда.

— Я бы тоже сбежала, — задумчиво тянет она и смотрит вдаль.

И сразу такая грустная мордашка у нее становится, что я не удерживаюсь. Легонько толкают ее в плечо:

— А че, богатые тоже плачут?

Лара обжигает меня странным взглядом и тихо бросает:

— Еще как.

Блин, вот язык прям зудит ляпнуть какую-нибудь хрень, типа, «плачем всем взводом», но я прикусываю его зубами.

Потому что впервые Лара мне кажется настоящей.

— Ладно, не ссы, прорвемся, — грубовато шучу. — Согрелась?

Киваю на чашку в ее руках. Она отдает мне её, и наши пальцы соприкасаются.

Обхватываю ее ледышки.

— Замерзла, а чего молчишь? — спрашиваю сердито.

— Перчаток-то ты мне не дал.

А у меня и нет больше, но вслух киваю:

— Это проеб. Давай сюда вторую лапку.

— Зачем это? — А сама, хитрюга, уже глазами стреляет на мой живот. — Снова будешь мне стриптиз показывать?

— Не, второй раз только за деньги, — тихонько ржу, а сам поднимаю ее ладони к своим губам. Дышу на пальцы, согреваю.

Намеренно задеваю губами кожу, скольжу по тыльной стороне. Не то ласка, не то поцелуй.

— Лучше?

Лара не отвечает. Зато зрачки во всю радужку как у кошки и дыхание сбитое.

Какая чувствительная девочка.

С сожалением прекращаю эти предварительные пляски и хрипло толкаю:

— Поехали.

К базе подъезжаем уже в лиловых сумерках. Вот только было светло, и — бац! — уже темень. В горах — это обычное дело.

Глушу движок и помогаю слезть Ларе.

— А спасибо где твое? — подкалываю, стаскивая шлем и пропотевшую балаклаву.

— Какие мы нежные! — отбривает меня коза, закатывая глаза. — Дай хоть девушке дух перевести. Или ты сразу после секса тоже требуешь благодарностей?

Воу! Вот это разговорчики пошли!

— Нет, там обычно по стонам всё сразу понятно, — лыблюсь как дурной.

— Фу, пошляк! — Лара пихает мне в руки шлем и со смешком говорит: — Но все равно спасибо.

— Одним «спасибо» не отделаешься, — начинаю я, но замолкаю, напряженно отслеживая, как к нам несется по меньшей мере пять здоровенных лбов.

Ох, чует моя жопа, что это не мои фанатки с обнимашками.

— Лар, только не говори, что вот эти покемоны в черном — по твою душу, — произношу убито.

Потому что это проеб, Мирный! Тебя так «снять» любой лох мог, пока ты зубы сушил и яйца к Ларе подкатывал.

— Ой! — Она оборачивается и растерянно смотрит вперед.

Эти кони как раз добегают до нас и берут меня на прицел.

Первая реакция тела — выбить «пукалки» и вырубить противника. Торможу себя, медленно поднимая руки на уровень лица.

Вот и тебе и «ой».

Глава 6. Приятный сюрприз

В кабинете начальника СБ открыто окно, но мне, один хер, душно.

— Значит, говоришь, не видел её в своем квадрате, сержант? — Егоров волком смотрит на меня.

Я так-то старший сержант, но сейчас не рискую его поправлять.

— Так точно, не видел, — отвечаю коротко.

— А чего ж следы её привели к твоим! — гремит его голос. — Это как понимать?

Бля, ну проебался я знатно.

— На момент вызова в моем периметре девушки не было, — продолжаю гнуть свою линию.

— А потом появилась?

С язвительной улыбкой Егоров затягивается и выдыхает дым прямо мне в лицо.

— Так точно. Потом появилась, — докладываю, гипнотизируя точку над его ухом.

Оно, кстати, похоже на розовый пельмень и прозрачно намекает на то, что начбез в свое время не елозил жопой по дивану, а вполне успешно ломал свои уши и получал по щщам на ринге. Бывший чемпион по боксу как никак.

— Багрянцев, блядь, я из тебя по слову тянуть буду? — ебнув по столу, рявкает он. — Дальше? Снег кругом весь изрыт, будто ты ее там валял как кабан по весне!

Ага. Валял и к стенке приставлял.

— Никак нет, — рапортую. — Не валял. Упала, поднял.

Так-то Егоров мужик в теме. И обычно мы с ним разговариваем нормально. Но сейчас он уже закусил удила, и себе дороже отвечать по-другому.

Перебрасываемся словами как шариком в пинг-понг.

Главное, не проебать подачу.

— А че ж ты потом не сообщил, что нашел Ладу Дмитриевну? — язвительно тянет, прищурив глаза. Точь-в-точь наш комвзвода, когда точно знает, что ему напиздели с три шинели. — Её охрана тут с ног сбилась, обыскивая каждый куст…

Сглатываю.

Ага, Лада Дмитриевна. Не Лариска-актриска, а Лада.

Коза ты, Лада. Провела меня, как ишака. Жопу бы тебе за это напороть, а потом нянуть, как следует.

Но пока начбез с удовольствием натягивает только доверчивого дурачка Мирошку.

— И какой тебе спецназ, парень? — бьет в самое больное.

Попасть туда — моя главная цель, и я из кожи вон лезу, чтобы получить рекомендации и заветный билет на сборы.

Стискивая челюсть, перевожу на него прямой взгляд:

— Сергей Викторович, мой проеб. Времени до темноты оставалось мало. Решил сразу действовать. Экипировал и довез до базы.

— Проеб у него, — сообщает он, стряхивая пепел в чашку с кофе. — То, что девку вернул — герой. А за молчанку тебе стройбат светит, а не служба в «Альфе».

Обтекаю, принимая от начбеза словесные оплеухи. А че еще остается? Сам виноват.

— Ты хоть знаешь, чья она дочь? — устало смотрит на меня Егоров, со смаком топя бычок в кофейной жиже.

Дочь. Не любовница.

Вот нахера я об этом сейчас думаю?

— Нас же с тобой за яйца подвесят, если только один волос с её башки упадет!

— Ну не упал же, — роняю, дернув плечом.

Вот зря я это сказал.

Лицо начбеза сначала багровеет, а потом белеет пятнами от гнева.

— Вон пошел, балабол! — сипит, швыряя в меня смятую пачку сигарет.

Ловлю ее на автомате.

— И чтобы я тебя рядом с ней на пушечный выстрел не видел! — летит в спину.

Да я и на два не подойду! Че я, смертник, что ли?

Выхожу из корпуса, печатая шаг, и едва не сношу Ксению Игоревну, менеджера по подбору персонала.

— Осторожней! — ахает она, взмахивая руками.

Ловлю в последний момент, чтобы ноги свои длинные не переломала.

— Извините, Ксения Игоревна, — буркаю и руки от нее сразу убираю в карманы. Ибо чревато получить еще сочных пиздюлей от начбеза.

Дураком надо быть, чтобы слюни пускать на его женщину.

— Нормально всё, Мирон? — заглядывает она мне в глаза.

Как мамка прям, переживает. Хотя выглядит как сочная милфа, и, когда я только сюда пришел, пару раз провожал её фигуру взглядом. Ага, пока не увидел Ксению Игоревну рядом с начбезом и не вкурил расстановку сил.

— Нормально, — толкаю ровно и спускаюсь по ступеням.

Смятую пачку швыряю в урну и бреду в сторону своих апартаментов.

Ага, прикиньте, здесь не казарма на сто рож, а у персонала вполне себе уютные домики на двоих.

Моего соседа и по-совместительству сослуживца Яна Дмитриенко позавчера вернули в часть на учения. Везучий песий сын. А вот мои мучения продолжаются.

Решаю набрать Яна и достаю из кармана «тапик» (полевой телефон — прим.автора).

Ага, здесь у персонала только кнопочные телефоны без камер и прочих наворотов. Чтобы, ни дай бох, в сеть не утекли кадры с отдыха высокопоставленных лиц. Полная, так сказать, кон-фи-ден-ци-аль-но-сть.

Да и нет тут таких дураков. Хотя, погоди-ка! Один только что нарисовался.

Досадливо морщусь, слушая гудки.

— Что, братка, соскучился? — весело гудит он в трубку.

— Если только по каше гречневой, — отбиваю со смешком и загребаю ладонью снега с лавочки. — Что нового?

— Да всё по старому, — принимается рассказывать Ян.

Слушаю, периодически кивая и поддакивая, и испытываю чувство сродни зависти.

Эх, родная Кубинка!

Мои пацаны, с кем прошли огонь и воду, тренируются, прочесывают местность на предмет покемонов, а я тут жиром заплываю.

Углубившись по дорожке подальше от центрального корпуса, запускаю снежок в ствол сосны. С нее тут же падает куча снега и спархивает сорока, сердито стрекоча.

— Когда обратно-то? — Ян отрывает меня от созерцания очередного шедевра из снега и льда.

— Да хрен его знает.

Останавливаюсь напротив ледяной скульптуры, таких тут на территории порядком понатыкано.

— А что с отбором? — допытывается Ян.

— Жду привета, как соловей лета, — нехотя отвечаю.

ЦСН ФСБ — это вам не шутки. И по хотелкам туда не набирают бойцов. Жесточайший отбор, бешеная конкуренция и наличие рекомендаций — у многих еще на первом этапе отбивается желание служить там.

Но только не у меня. После десантуры я себя больше нигде не вижу.

Хочу быть, мать его, паладином, который борется со злом.

И сейчас самое сложное — ждать вызова на отбор. Это может длиться месяцами. А там уже показать себя во всей красе, чтобы заметили и точно взяли.

— Не ссы, нормально всё будет, — поддерживает друг и поспешно прощается.

Убирают тапик в карман и задумчиво склоняю голову, пытаясь понять, что хотел выразить скульптор.

На ум только пошлятина всякая лезет. Но это нюансы, ага.

Наверняка же эта херобора изображает что-то типа раковины с жемчужиной, ну или на худой конец просто волнистые линии. Но вижу я определенно не это… а женский половой орган во всей его красе.

Вот и твоя карьера может пойти по пизде, если продолжишь идти против течения.

Досадливо сплевываю на снег и тут же затаптываю берцем, скрывая улики.

Вдруг кто слюни мои разглядит у этой гигантской вагины и в обморок хлопнется.

Ну его нахер! На сегодня хватит приключений.

С этими мыслями добираюсь до своего домика и захожу внутрь. Устало стаскиваю куртку и не глядя вешаю на крючок. Разуваюсь.

Тянусь к выключателю, но, ощутив невесомое движение воздуха за спиной, резко разворачиваюсь. Еще до того, как мозг успевает проанализировать ситуацию, тело уже действует на голых инстинктах.

Зажимаю шею противнику, который неожиданно оказывается ниже меня на целую голову, а через секунду ослабляю хватку. Потому что узнал этот тонкий, цветочный запах.

Девчонка громко, с надрывом закашливается, а я наконец зажигаю свет.

Оглядываю Ладу, тихо зверея.

В башке вертится дохуилион матерных слов, и мне приходится приложить усилия, чтобы вытолкнуть что-то более-менее связное:

— Лада Дмитриевна, какой, твою мать, приятный сюрприз!

Глава 7. Помоги мне

— Что ты здесь забыла? — Наступаю на нее, внутренне сатанея с каждой гребаной секундой. — Только не ври мне, что гуляла и случайно сюда забрела.

Лада язвит, растирая шею:

— Соскучилась. Подойдет?

— Так, — хватаю ее повыше локтя и распахиваю дверь. — Это не ко мне…

— Постой! — Вцепляется в рукав и вопит так, что на всю базу слышно.

Блядь, за что мне это?

— Давай, шевели булками! — рычу, буксируя козу по ступеням вниз. — Мне только еще одного флюгегехаймена в зад не хватало из-за тебя!

— Да постой ты! — Стучит ладошкой мне по плечу и упирается ногами. — Я сережку потеряла!

Останавливаюсь, глядя на Ладу сверху вниз.

— Пошли своих амбалов, им полезно промяться, — бросаю и разворачиваюсь к крыльцу.

Только сейчас с досадой замечаю, что вышел как есть — в одних носках.

Упрямая Лада Дмитриевна взлетает на крыльцо быстрее меня. Ага, как горная коза.

— Это мамины серьги, — говорит, обиженно поджимая губы.

— Сочувствую.

Обхожу её и тяну дверь на себя.

— Ты всегда так ведешь себя с девушками? — летит звонко мне в спину.

Смотрю на козу вполоборота. Стоит, подбоченившись, ноздри от гнева раздула, брови вместе свела. Ну, ни дать ни взять, воительница.

— Нет, только с теми, кто не в моем вкусе, — охлаждаю ее пыл и захлопываю за собой дверь.

Пизжу, конечно. Коза определенно в моем вкусе — друг в штанах не даст соврать, — но нам с ней не по пути.

Помните? Смотреть можно, трогать нельзя.

Через секунду дверь снова распахивается, Лада влетает внутрь с видом бешеной чайки, которая «не договорила».

— Я, кажется, тебя не приглашал, — чеканю, прожигая взглядом её упрямую мордашку.

— А я сама себя пригласила! — фыркает и, обойдя меня, нагло усаживается на диван.

Еще и ногу на ногу закидывает. Колбаса деловая.

Ну, пиздец, приехали.

— Чего. Тебе. Надо? — чеканю.

Намеренно сохраняю дистанцию, потому что иначе не сдержусь. Надеру ей жопу, скулить будет неделю.

Лада высокомерно оглядывает меня всего и вздергивает подбородок:

— Мне нужна твоя помощь.

— Я не трахаюсь за деньги, — обрубаю, тяжело глядя в ответ. — Не делаю массаж йони. Не провожу экскурсии в свою постель. Не тру спинки и не подтыкаю одеяльце. Ответные услуги также не принимаю. Даже бесплатно.

Были тут случаи, когда дамы считали, что мне не хватает их компании. Спасибо, что трусами отбиваться не пришлось.

— А у тебя всё вертится вокруг денег и секса, да? — с тихим смешком подъебывает меня коза.

Продолжаю молча сверлить её взглядом.

Вечер. Домик персонала. Богатая избалованная мажорка и одинокий, заебавшийся в доску мужик.

Не-е-е, ни разу на интим не намекает.

Кстати!

— Как ты сюда попала? — повторяю свой недавний вопрос.

— Дверь была не заперта, — дергает она плечом.

Ложь.

— У тебя еще одна попытка, — роняю негромко, — а потом я вызываю твою охрану.

Она тут же подскакивает на месте, стискивая ладонью подлокотник.

— Не надо никого вызывать! — А какой сразу испуганный голосок. — Я … эм… я немножечко разбила окно… у тебя в ванной, но я убрала осколки!

— Пиздец!

Тру лицо ладонью. Час от часу не легче.

Прохожу в ванную и в ахуе смотрю на дело рук одной козы.

Че, Мирох, мыться сегодня будешь под аккомпанемент звенящих яиц?

— Прости, я заплачу! — пищит она из-за спины.

Оборачиваюсь к ней.

— Ты больная?

— В смысле? — повышает на меня голос и складывает руки на груди.

— У тебя справка из психушки есть? — огибаю её и иду к кухонной зоне. Щелкаю чайником. — Нормальные люди так не делают.

— Я же сказала, мне нужна твоя помощь!

Стоит посреди гостиной, обняв себя руками.

— А я уже тебе ответил: интим-услуги не оказываю.

Хлопаю дверцей холодильника и достаю бутерброд, который так и не сожрал с утра. Желудок сводит от голода. Наливаю остатки чая из термоса в кружку, разбавляю кипятком.

— Ты вообще собираешься меня слушать?! — Лада даже топает ногой от негодования.

— Если что, дома я разуваюсь, — говорю, глядя на подтаявшие лужи под ее сапогами.

Лада демонстративно закатывает глаза:

— Господи, ну вызовешь клининг. Тоже мне проблема.

Молча жую бутер и запиваю чаем.

— К твоему сведению, здесь я убираю сам, — сообщаю, прислонившись бедрами к столешнице. — И мой рабочий день начинается с четырех утра. Сейчас начало одиннадцатого, я хочу пожрать, утереться снегом вместо душа и рухнуть спать. И я не хочу…

Лада перебивает меня, сверкая глазами:

— Помоги мне сбежать отсюда!

Чего, блядь?

Глава 8. Перспективы

Вот это поворот!

Я даже жевать перестаю, пялясь на девчонку.

— Ты предлагаешь мне сразу присесть за похищение? — уточняю, наконец проглотив последний кусок. — Я тебе че такого плохого сделал?

Лада раздраженно закатывает глаза и подходит ко мне ближе.

— Какое еще похищение? Я же сама добровольно с тобой уеду.

Отставив в сторону кружку, складываю руки на груди.

— Такое. Твой отец устроит мне каникулы особого режима, если я только подумаю в этом направлении.

— Папа? — Брови Лады взлетают вверх. — Нет, он у меня добрый.

Ага, охотно верю.

— И поэтому ты от него сбежать надумала? — невесело хмыкаю.

— Не твое дело! — ощетинивается она, но тут же меняет тон, — просто вывези меня с этой базы. Дальше я сама…

— Не-е-ет, — перебиваю её и со смешком поясняю. — Мне же потом башку открутят. Должен я знать, из-за чего страдаю.

Давлю на Ладу взглядом, отмечая румянец на щеках и то, как она задумчиво покусывает нижнюю губку.

— Это личное. — Она поднимает на меня взгляд.

Проваливаюсь в бушующую зелень, на мгновение отключаясь от действительности.

Запрещенный прием так-то.

Мысленно выдираю себя из омута за шкирку и молча задираю бровь вверх, мол, весь во внимании.

Лада отводит глаза и с тяжким вздохом произносит:

— Партнер отца, Ольховцев, хочет, чтобы мы с его сыном поженились.

У меня рожа чуток вытягивается.

Я, конечно, местами затупок, но фамилию Ольховцева слышал в сплетнях персонала не раз. Он — монополист по добыче редких металлов и упоминается чаще всего в связке с другой фамилией. Королёв.

Выходит, Лада, дочка Королёва? Того самого Королёва?

Мда, Мирох, свезло так свезло.

Тебя её папаша не в тюрьме сгноит, а просто в шахту скинет. И останутся от дурака одни рожки да ножки.

Хуевые, однако, перспективы. Хуже, чем у Шарика из анекдота, которые обожает травить Ян.

— А ты, я так понимаю, замуж не рвешься?

— Вот еще! — Её аж передергивает. — Что я там забыла?

Резонно.

— Но разве не об этом мечтает каждая девочка лет с пяти? — говорю это только для того, чтобы увидеть реакцию Лады.

И она следует незамедлительно: девчонка рывком распахивает шубу и начинает раздраженно мерять шагами гостиную.

«Смотри, Мирный, щас она раскочегарится и всё с себя снимет», — зло иронизирую, поджимая пальцы в сырых носках.

— Да, но не когда твой будущий муж тебе знаком с колыбели! — возмущается Лада, покраснев и сверкая глазами. — Меня от одной только мысли, что Фил и я вместе, тошнит. Мы в детстве на одном горшке сидели. Это же почти инцест!

— Хороший тамада, и конкурсы интересные, — тихо бурчу себе под нос. Добавляю громче: — А через рот ты не пробовала?

Лада останавливается, смотрит недоуменно.

— Отцу своему не пробовала сказать, что замуж не хочешь? — поясняю очевидную вещь.

— Ой, а что так можно было? — Она карикатурно распахивает глаза и округляет рот, приложив ладони к щекам.

Забавная, но, честно, мне сейчас её проблемы до сиреневой звезды.

— Попробуй, — хмыкаю, — говорят, работает.

— И как я прожила без твоих советов? — Лада со вздохом закатывает глаза. — Не слышит он меня, ясно?!

— Предельно.

Девчонка, теребя шарф, подходит ближе.

— Ты же хороший, Мирон, правда? — спрашивает, заглядывая мне в самую душу своими изумрудами.

Хороший? Это как посмотреть.

Лада облизывает губы быстрым движением и шепчет:

— Помоги мне. Просто вывези меня отсюда. — Её ладошка касается моего плеча, неспешно ведет вверх до яремной впадины.

Сердце ускоряется, будто в кровь залили горючее.

Это не укрывается от Лады. Вижу, как в её глазах вспыхивают искры.

— А я тебе за это щедро отплачу, — вкрадчиво произносит, спускаясь пальчиками мне на грудь.

Ловлю их и прижимаю сильнее.

— Мне не нужны деньги, — хрипло выдыхаю, удерживая ее ладонь на уровне моего сердца. Оно долбит отбойным молотком прямо в руку.

— И чего же ты хочешь, Ми-рон? — с придыханием растягивает мое имя.

Отталкиваюсь от столешницы и склоняюсь к Ладе ниже.

— Я хочу поцелуй, — нахально заявляю.

Наше дыхание смешивается, рождая в моем теле жгучие импульсы. Они прокатываются вдоль позвоночника и оседают тяжелым свинцом в паху.

Зрачки Лады расширяются, топя зелень в мерцающей черноте.

— Один поцелуй? И ты поможешь мне? — уточняет, снова сминая зубками край нижней губы. Пальчики будто случайно царапают кожу через тонкую ткань рашика.

Киваю, запуская свободную руку в задний карман штанов.

Лада бросает взгляд на дверь и решительно произносит:

— Ладно. Целуй! Только быстро!

— Что так? А сама боишься? — подначиваю.

В ответ Лада отстраняется и выразительно задирает бровь. Ага, ту самую, идеальную.

— Окей. — Со смешком завожу руку ей за спину, давлю на поясницу, вжимая животом в мой пах. — Всё приходится делать самому.

Смыкаю её пальцы в замок и… быстрым движением защелкиваю на тонком запястье металлический браслет наручника. Не успевает Лада ахнуть, как я разворачиваю её к себе спиной, фиксируя и вторую руку.

Громкий щелчок раздается в тишине гостиной, а следом — громкий вопль Лады:

— Что ты делаешь?!

— Помогаю.

— Пусти меня! — Вырывается изо всех сил.

Подхватываю визжащую ношу на руки и опускаю на диван.

— Ты пожалеешь! — кричит на меня Лада.

— Уже, — роняю и набираю начбеза.

Трубку он берет с первого гудка, будто только и ждал, когда я еще проебусь.

— Сергей Викторович, проблема у меня, — произношу спокойно в динамик, наблюдая, как гнев на лице девчонки сменяется жгучей ненавистью. — Тут Лада Дмитриевна, похоже, заблудилась. Да. Она сейчас у меня в коттедже. Вы бы охране её передали, чтоб глядели за ней получше. Ага, жду.

— Сволочь! — вопит она, пытаясь меня лягнуть.

— И тебя вылечат, — говорю, аккуратно пакуя её в шубу на манер смирительной рубашки.

— Тварь! — продолжает дергаться. — Я же тебе поверила!

Слезы брызгают у нее из глаз. Ей богу, в другой бы раз размяк только от одного этого вида. Но после пиздюлей начбеза чужие слезы не трогают.

Особенно дуры, которая дальше своего кукольного домика ничего не видит.

— В другой раз спасибо скажешь.

Глава 9. ЧП

Вопреки всем установкам расстроенная мордашка Лады не идет из головы, отгоняя сон.

Ворочаюсь на простынях и прокручиваю мысленно диалог с её охраной.

Я ни словом не обмолвился о том, как она проникла внутрь и как вербовала меня в похитители.

Не знаю почему, но мне не захотелось подставлять девчонку. Глупая, молодая. Что с таких взять?

Отец её не слышит.

Так ты донеси свою позицию так, чтобы тебя на краю нашей галактики слышно было, и соседи с ором ебашили по батареям.

Придумают себе проблему, а потом пытаются решить ее за чужой счет.

Мотор ускоряется и разгоняет по телу унявшееся было раздражение.

«Укради меня!»

Это Зеленоглазке-Ладе-Лариске ничего не будет за такой финт ушами, а мне…

А тебе, Мироха, не видать тогда службы в «Альфе» как своих ушей. Путь туда будет заказан, как и в любую другую силовую структуру. Будешь дворы мести или склады с бухлом охранять.

Зло стискиваю кулаки и отбрасываю одеяло. Сна больше нет ни в одном глазу.

Обувшись, иду убирать остатки стекла в ванной. Заклеиваю дырень армированным скотчем. Варю себе овсянку на воде и, закинувшись хавчиком, экипируюсь.

До рассвета три часа. Подождать бы, но меня будто что-то гонит вперед.

Вы сейчас ржать будете и скажете, что я дебил, а я даже спорить не буду. Но я еду искать пропавшую сережку.

Уверен, у дочки короля алмазов в шкатулочке лежит не один брюлик, но на ее крик «это мамино» что-то дрогнуло в груди и оплавилось. Так говорят о чем-то очень ценном, и дело совершенно не в стоимости. Не в ней. Дело в воспоминаниях.

В общем, официально подтверждаю — я сентиментальная тряпка. Занесите в протокол и потом сожгите, потому что больше таких заявлений от меня не получите. И даже на полиграфе не сознаюсь.

Завожу «Арктику» и еду тем же маршрутом, что и в прошлый раз.

Осматриваю уступ, где Лада любовалась видами, а я любовался ей.

Поднявшийся ветер тревожно завывает в кронах сосен и пихт. В горах к нему нужно прислушиваться в первую очередь.

Вглядываюсь в едва светлеющее небо и замечаю седые тучи. Они плотным фронтом подступают с юга.

Бля, херово.

В метели я не найду и вчерашний день.

Поспешно возвращаюсь к «кошке» и прыгаю в седло. Чуйка моя говорит, что искать пропажу надо там, где всё началось. Даю по газам.

Матерюсь снова, когда на пути вырастает поваленный ствол дерева.

Сообщаю дежурному координаты и прокладываю маршрут в объезд.

Когда подъезжаю к тому самому месту, с неба уже падает частый снег.

Пошарив у ствола пихты, раздраженно цокаю языком.

Нету тут сережки. Может, какая любопытная птица уже унесла в гнездо.

Решаю посмотреть там, где вчера экипировалась Лада, и не сдерживаю удовлетворенное:

— Есть!

Выколупываю находку из снега и разглядываю на просвет. В свете фонаря «кошки» зеленый камень отбрасывает колючие искры. Точь-в-точь такие же, какими меня щедро угостила Лада, напоследок посмотрев мне в глаза.

Маленькая ведьма.

Прячу сережку в карман и возвращаюсь на базу. Дорога из-за поваленного дерева отнимает больше времени, и к курорту я подъезжаю уже весь облепленный снегом. Метет так, что дальше пары метров ничего не видно.

Захожу в администрацию, и вместе со мной в фойе просачивается зима.

Милка за стойкой дергается и роняет канцелярию. Людмила она так-то, да язык не поворачивается ее так назвать.

— По какому поводу кипишуешь опять? — спрашиваю, стряхивая снег с рукава.

Вижу же, что как на измене вся. Ежу понятно, что с первыми людьми государства булки не расслабишь особо, но и народ здесь — не братки из девяностых. К стенке никто не приставит за остывший кофе.

— Ты че не слышал, Мир? — громким шепотом сообщает Милка, стреляя глазами по сторонам.

— Слышал что? — переспрашиваю, а сам в кармане нащупываю сережку.

— Только никому! — Милка округляет и так большие глаза и склоняется ближе к стойке. — ЧП у нас. Постоялица сегодня ночью пропала.

Рука непроизвольно сжимается в кулак, острые грани сережки царапают кожу, а меня снедает нехорошее предчувствие.

— Пропала? — хрипло толкаю, ощущая, как замолотило сердце о ребра. — Испарилась, что ли?

— Я не знаю подробностей, но ее охрана тут каждый угол обнюхала. А Сергей Викторович злой как черт. — Милка обиженно дует губу. — На меня даже наорал, будто это я виновата…

Перебиваю ее нытье:

— Мил, а фамилия у потеряшки случайно не Королёва?

Мне достанется сердитый взгляд.

— А ты уже в курсе, что ли? Тогда чего сразу не сказал? Я тут распинаюсь…

— Извини, Мил, мне пора, — бросаю ей, разворачиваясь и топая прямиком к начбезу.

У нас не ЧП. У нас пиздец!

Глава 10. Везучая

Егоров при моем появлении поднимает взгляд от карты, разложенной на столе. Края ее прижаты чашками с остатками кофе и сигаретными бычками.

По лицу начбеза ничего не прочитать, но я по напряжению тела считываю — у Викторыча большие проблемы.

— Слышал уже, — утверждающе произносит он, дергая углом рта.

Кивком обозначаю очевидное, глазами шарю по карте.

— Когда?

Егоров без подсказок понимает недосказанное.

Когда эта коза с придурью вместо мозга удрала?

— Ориентировочно с двенадцати до двух, — сухо делится он информацией и тянется к пачке сигарет.

То есть примерно через час, как я выставил мажорку из своих апартаментов.

— Почему ориентировочно? — цепляюсь к этому слову. — Охрана ее куда смотрела?

— А вот хуй его знает куда! — неожиданно рявкает Егоров.

Заложив руки за спину, он расхаживает по кабинету.

— Думали, наверное, что своими силами разберутся. Разобр-р-рались, мать его ити! — порыкивая, смолит сигаретой. — А теперь время упущено. Где я ее, блядь, искать буду?!

Ну коза несносная, ну ты че устроила?

Негодование начбеза по невидимой цепочке передается и мне. А еще фоном подключается нехилый такой груз вины.

Это ведь я не принял слова девчонки всерьез. Раздраженный ее бесцеремонностью не заметил признаков острого психоза.

А кто, блядь, в здравом уме поебашит ночью в горы? И, главное, в чем?

Ставлю свои погоны, что дурища попиздовала в шубе и ботильонах.

Будто подслушав мои мысли, начбез бросает с затаенной злостью:

— Подготовленные туристы мрут пачками от переохлаждения. Мало, что ли, их лежит в горах? Теперь и эта… — зажевав в последний момент матерное слово, Егоров договаривает: — Будет торчать где-нибудь памятником непроходимой глупости.

— По камерам что, Сергей Викторович? — увожу его в конструктивное русло.

Их тут, камер, натыкано — до ебаной дури. Муху можно на подлете засечь.

Начбез тяжко вздыхает:

— Обрыв сети был, пока устраняли разрыв, Лада Дмитриевна и сбежала.

Ебать, ты везучая, Зеленоглазка.

— А следы? Не по воздуху же она улетела.

— Вот здесь они обрываются, — Егоров тычет пальцем в точку на карте.

Мой квадрат. Место, где я вчера едва не наехал на эту козу.

— А дальше?

— Ты погоду за окном видел, сержант? — Егоров устало падает в кресло. Затушив бычок, трет виски. — Кинологи уже едут. Да какой нос сейчас учует ее, если снега намело по самые яйца?

Мда. Ситуация.

Это всё нихуя не весело.

В горах по ночам температура опускается ниже отметки в минус пятнадцать градусов. А в условиях шквалистого ветра простая прогулка превращается в выживание.

Куда же тебя понесло, дурочка?

Решение, щедро подкормленное ответственностью и чувством вины, принимается мгновенно.

— Я найду её, — спокойно сообщаю Егорову.

— Не смеши меня. — Он качает головой. — Куда ты сейчас стартанешь?

Туда же, куда усвистала одна безмозглая коза.

— Меня батя всю жизнь по Дагестанским горам таскал. Я следы читать научился раньше, чем букварь, — гну свою линию.

— Тут тебе не Дагестан, сержант, — вдруг совсем другим тоном говорит начбез. И смотрит так же, как батя. — Мне осталось только бойца потерять. Ко мне из части тогда сам генерал прилетит на кочерге.

— Я сейчас сотрудник службы безопасности, — напоминаю. — Сергей Викторович, время уходит, девушка не знает местности…

Я спецом давлю на больное.

Ну давай, Викторыч, вырубай воспитанную сволочь. Она же загнется там одна!

— Нет, — падает веское. — Не могу.

Глава 11. Действуй, сержант

— Нет, — обрубает веско начбез. — Не могу.

Да как, блядь, так-то?! Нам теперь всем коллективом бросить нахер девку, пусть загибается, так, что ли?

От негодования сжимаю руки в кулаки.

Я уже открываю рот, как распахивается дверь, и в кабинет тяжелой походкой входит военный чин в сопровождении троих гражданских.

В помещении сразу становится тесно.

Одного взгляда на погоны хватает, чтобы вытянуться в струнку и отдать честь:

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

Тот лишь слегка сводит брови вместе и бросает на меня внимательный взгляд-прицел:

— Вольно.

Поджимает губы и переключается на Егорова:

— Докладывай, Сергей Викторович.

И пока начбез вводит генерала в курс дела, я рассматриваю гражданских. Три «пиджака», двое с рожами-кирпичами и повадками бультерьеров явно из охраны. Третий хмуро следит за разговором моего начальства, не торопясь вступать в беседу.

Лицо — неподвижная маска, микромимика в ноль. И только в глазах — редкий зеленый оттенок которых я уже успел заценить у одной дурочки — пылает пламя инквизиторских костров.

Не надо быть слепой бабкой-ведуньей, чтобы не заметить фамильное сходство и не сложить два и два.

Королёв собственной персоной.

По побелевшим крыльям носа и бешено стучащей вене на виске понимаю — мужик в ярости. И пришел сюда лично натянуть того, кто, по его мнению, виноват в случившемся.

Себя-то папаша наверняка ни в чем не винит.

За грудиной всё вскипает и жжется.

Чего ж ты дочку свою как гармонь гнешь? Или у тебя есть еще запасные дети?

Схлестываемся с ним взглядами. Хмурится, явно не вкуривая, какого лешего я на него так откровенно пялюсь. Не уступаю, стискивая желваки.

Похуй. Пусть чего хочет думает, но смерть дочери будет на его совести.

— Радиус поиска. Время упущено, — доносятся до меня обрывки фраз.

— Товарищ генерал! — внаглую гаркаю я, разрывая контакт с Королёвым. — Разрешите обратиться?

В кабинете на секунду повисает гнетущая тишина.

— Разрешаю, — режет ее генерал, поджимая губы.

Шагаю вперед.

— Старший сержант Багрянцев, сорок пятая отдельная гвардейская бригада спецназа ВДВ, инструктор по горной подготовке, прикомандирован к службе безопасности курорта. Разрешите возглавить поисковую группу.

Генерал на секунду задерживает на мне тяжелый взгляд. Я стою смирно, но внутри — всё сводит от напряженного ожидания.

— Багрянцев, ну куда тебя несет? — выговаривает мне начбез.

— Из наших, выходит, — роняет тихо генерал.

Ваших? Да неужели?..

На мгновение душу топит ликованием.

Пока я гадаю, из какого ведомства чин — МВД или ФСБ? — тот цепко ощупывает меня глазами, будто взвешивая, чего я стою.

— А справишься, старший сержант? — наконец обращается он ко мне.

— Так точно, товарищ генерал! Время упущено, но есть шанс, что я найду Ладу Дмитриевну раньше…

Обрываю себя. Королёв за моей спиной шумно выдыхает. Не оборачиваюсь, чтобы увидеть поменялось ли выражение его лица.

Все и так всё понимают.

Раньше, чем она замерзнет насмерть.

Генерал переводит взгляд на Егорова и едва заметно кивает.

— Действуй, сержант. Доклад каждые полчаса.

— Так точно, товарищ генерал!

Коротко прощаюсь и двигаю к выходу.

— Верни мою дочь живой, — летит мне в спину от Королёва.

Верну.

А перед этим еще и по жопе хорошенько надаю!

Глава 12. Следы

Сборы у меня максимально короткие.

Пакую в кофр походную аптечку, теплое одеяло, больше похожее на золотую фольгу, и комплект термухи с «мембраной».

Проверяю заряд рации, которую удалось выцыганить у начбеза. Эта малыха бьет на дальняка, и в случае чего я по спецканалу вызову вертушку.

Об этом пресловутом «чего» страюсь не думать.

Вяжу к седлу рюкзак со всем скарбом, необходимым для комфортного выживалисити в условиях гор.

На всё про всё трачу от силы двадцать минут. Внутренний секундомер придает ускорения движениям и гонит нервяк вдоль позвоночника.

Чувство такое, будто это мой первый боевой выход, и я до дури стискиваю влажной ладонью приклад калаша.

Всё, погнали!

Проваливаясь мордой в пухляк, веду «кошку» на ту самую точку, где впервые встретился с Ладой. Снег летит в визор, снижая видимость до нулевой.

Думаете, я еду наобум? Выбрав первое попавшееся направление? Да как бы не хрен!

Стельки свои сожрать готов без соли и перца, что коза безрогая отправилась в свой поход именно оттуда.

Почему? Как бы попроще объяснить.

Во всем виноваты мотонейроны и спинной мозг. Первые обеспечивают импульсами скелетную мускулатуру, второй руководит этим процессом, выполняя роль командного пункта, пока высшее начальство в черепной коробке изволит отдыхать.

Слишком сложно, да?

Ну а говоря простым языком нашего прапора — потому что жопой думает!

А если я хоть немного догоняю калечную женскую логику, то найду непревзойденную Ладу Дмитриевну через пару часов под какой-нибудь сосной с соплей под носом.

Нас в Кубинке учат не только марш-броски совершать с автоматом наперевес. Мозг тоже нехило апгрейдят. Учат понимать противника. Влезать буквально в его грязную шкуру и копаться в его не менее грязных мыслях. Чтобы предугадать следующие шаги и ликвидировать угрозу.

Наша структура работает немного иначе, чем полиция.

«Мозги» в штабе дают команду «фас», а «мышцы» — такие, как я, — рвут мясо. И вместо предупредительного в воздух ликвидируют на месте.

Лада, конечно, никакой не противник, но её козье поведение тоже подчинено законам психологии с наложением фильтра личности.

А то, что личность она с припиздью, вы, я думаю, уже выкупили.

На точке внимательно осматриваю снег вокруг. Погода изрядно потрудилась, но и я больше рассчитываю на свою чуйку.

На мгновение прикрываю глаза, представляя перед мысленным взором упрямую мордашку Лады.

Куда же ты двинула? М?

— Умный в гору не пойдет, — шепчу себе под нос, выбирая восточное направление.

Ведь если бы я был безмозглой девчонкой с перпетум мобиле в заднице, то однозначно поперся именно туда, куда мне категорически запрещено.

Спуск в ущелье занимает у меня больше часа.

Циклон, сомкнув вокруг вершины кольцо, дарит передышку. Но я знаю, что обычно бывает после такого затишья.

Поддаю газу. Поджав губы, внимательно вглядываюсь в заснеженные пики и прислушиваюсь к дыханию гор.

Не люблю это место.

Узкое, как бутылочное горлышко, зажатое с двух сторон вершинами — идеальная могила в случае схода снега.

Да, лавины на этом склоне редкость. Но это не значит, что шанс быть заживо погребенным многотонной снежной плитой равен нулю.

Травлю вдоль более пологого склона, выискивая следы.

У небольшой пещеры, где едва поместится ребенок, делаю остановку. Осматриваю узкую нишу и в снегу рядом нахожу то, ради чего я сюда и приперся.

Женская перчатка едва уловимо пахнет уже знакомым ароматом.

Хватаю рацию и переключаюсь на нужную частоту.

— Первый, это седьмой!

Жду ответа, слушая шум крови в ушах.

— Докладывай, сержант, — оживает рация через секунду голосом генерала.

Ебать, сервис!

Я даже на секунду подвисаю, но быстро беру себя в руки.

— На восточном склоне следы. Двигается вниз по ущелью. Думаю, нагоню ее через пару часов.

— Ускоряйся, сержант, — скрипит в ответ динамик. — Метеосводка ничего хорошего вам не обещает.

— Принято, — отбиваю я и задираю голову к небу.

Ветер действительно меняется. Нужно поторопиться, пока циклон не ударил всей мощью.

— Я тебя найду, коза! — азартно рычу и бегу к снежику.

Найду и выдеру как сучку.

Глава 13. Раздевайся!

Погода портится внезапно, будто кто-то там сверху переключил тумблер. Шквалистый ветер обрушивается на меня со всех сторон, горстями бросает в лицо снег, забирается за шиворот.

Пасмурный день сменяется штормовыми сумерками, и вглядываться в цепочку следов приходится едва ли не уткнувшись носом в снег.

Черт, еще немного, и нужно будет делать остановку и искать укрытие.

Мотаю башкой.

Не могу. Чуйка моя вопит, что Лада близко.

У большого валуна следы резко забирают вправо и вверх, в подлесок.

Не глушу снежик.

Преодолевая сопротивление стихии, бреду вперед. Снег жалит в глаза, и я раздраженно тру веки, матерясь на поспешное решение снять шлем. Но в этой штуке визор бы запотел за минуту.

Краем глаза ловлю инородный в бело-сером пейзаже цвет.

Блядь!

Мотор грохочет отбойным молотком в ушах, пока я пулей несусь к ярко-розовому сугробу.

Твою дивизию!

В башке каша, щедро приправленная первобытным страхом, что я объебался по всем фронтам.

Бухаюсь на колени перед девчонкой и трогаю ее за плечо.

— Лада! Лада, очнись! — зову, и голос срывается. — Мать твою, не спать!

За шакалящим пульсом и воем ветра в ушах не сразу разбираю тихие звуки.

— Ы-ы-а! — Раскрыв в немом крике рот, Лада бросается ко мне в объятия.

Рыдает взахлеб, стискивая руками мою шею.

И запал наорать на нее тут же гаснет, прихлопнутый внезапной истерикой.

— Ну всё, всё, не плачь, — покачиваю ее, морщась от нарастающих децибел в ушах. — Нашел я тебя. Дуреха.

— С-сам дура-а-ак! — скулит, и не думая разжимать хватку.

— Ноги-руки чувствуешь? — определяю я самое важное.

— Врод-д-де д-да, — стучит зубами, кривя губешки.

Облегченно выдыхаю.

Ну хоть не в шубе и сапогах!

Вспоминаю про перчатку.

— Руку покажи.

Разглядываю красно-белую конечность.

Мда. Хуево. Но могло быть и хуже.

— Ладно, ща согреемся.

Пытаюсь встать, но Лада лишь сильнее вцепляется в меня и начинает рыдать по новой.

— Да не оставлю я тебя! — рявкаю, освобождаясь от хватки.

Она смотрит в ответ зареванными глазами. По взгляду понятно: не верит. Ага, испуг дело такое.

В другой раз головой будет думать, а не искать на жопу приключения.

— У меня там, — машу башкой в сторону, — палатка. Не ссы. Я мигом.

Реально бегу к снежику за скарбом.

Отбиваю быстро по рации, что нашел девчонку живой, и переключаюсь на другие задачи.

Насколько могу, подгоняю «Арктику» ближе. Мы сегодня уже никуда не стартанем.

Как бы, блин, не заболела Лада Дмитриевна после такого марш-броска.

Замотанная в золотистое одеяло на манер фантастической гусеницы она неотрывно следит за моими действиями.

Торопливо ставлю палатку, и как только вбиваю последнее крепление, несу трясущуюся Ладу внутрь.

— Держи, — вручаю ей термос с теплым чаем. — Пей мелкими глотками. Ногу давай.

Стаскиваю с нее ботинки и едва на матерюсь вслух.

Капроновые колготки, блядь! Кто надевает в поход эту дрянь? Господи, дай этой дурище мозгов.

Ладно, Мирный, потом пиздов всыплешь. Сейчас надо девку отогреть.

Вытряхиваю Ладу из курточки на рыбьем меху и тонюсенького свитера.

Под ним сверкает белизной спортивный топ с просвечивающими сосками-«разведчиками». В свете фонаря последние так и приковывают взгляд. И в другой раз я бы позалипал подольше.

— Что… что ты делаешь? — вяло протестует Лада, когда я берусь за пояс ее штанов-шуршанов.

— А на что, по-твоему, похоже? — огрызаюсь на нервах. — Раздевайся! Щас трахаться будем.

Глава 14. Согрелись

— Раздевайся! Щас трахаться будем.

В подтверждение своих слов зло стаскиваю с себя куртку и свитер.

— Ты с-с ума с-сошел? — Лада пялится на меня во все глаза.

— Ага. Сразу как тебя увидел, — буркаю, избавляясь от брюк. — Снимай штаны, живо! И колготки, нахуй!

— Не кричи на меня! — пищит коза.

Меня несет:

— Мне, может, и спасать тебя не надо было?

— Может, и не надо! — рычит запальчиво.

Отворачивается, сопит, надув губы.

Бля, ну только не снова слезы.

— Лада, — зову ее, как могу мирно.

Скашивает на меня свои зеленые глазищи.

— Не хочу тебя пугать, но с переохлаж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.